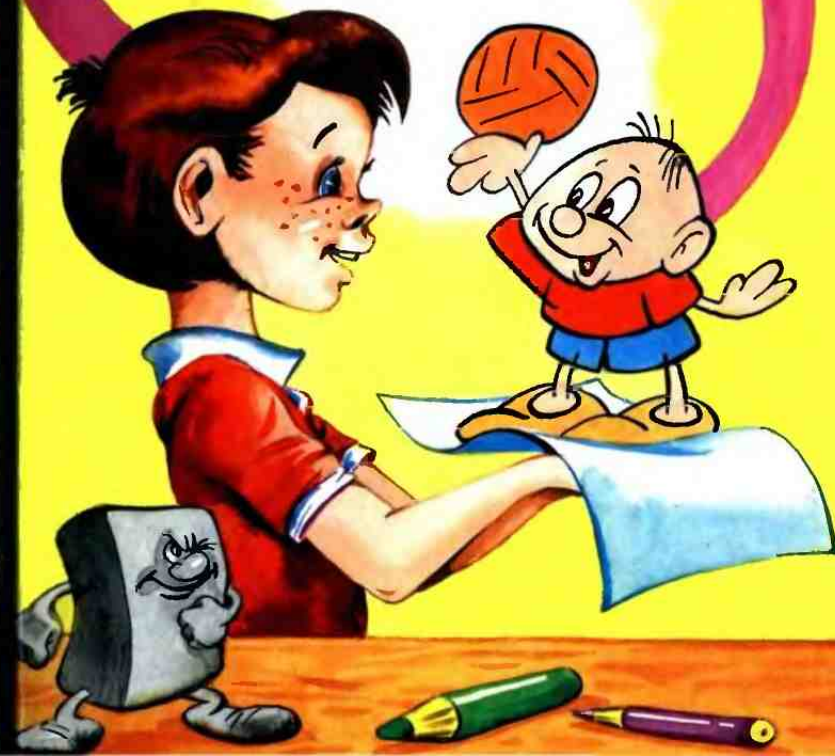

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Валентин Берестов

Витя, Фитюлька и Ластик

ВИТЯ, ФИТЮЛЬКА И ЛАСТИК

В. БЕРЕСТОВ

Однажды Витя взял бумагу и карандаш и нарисовал человечка: голова кружком, глаза точками, нос запятой, рот закорючкой, живот огурцом, руки и ноги как спички. И вдруг...
— Здравствуйте! — пискнул человечек. —
Меня зовут Фитюлька.

ЧИТАЛОЧКА

*Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать.
Не надо бабушку трясти:
«Прочти, пожалуйста! Прочти!»
Не надо умолять сестрицу:
«Ну, почитай ещё страницу!»
Не надо звать,
Не надо ждать,
А можно взять и почитать!*

Валентин Берестов

ВИТЯ, ФИТЮЛЬКА И ЛАСТИК

ХУДОЖНИК А. Шахмелдян

Москва • ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ • ИСКАТЕЛЬ • 1998

ББК 84(2)
Б48

*Картинки
в музках*

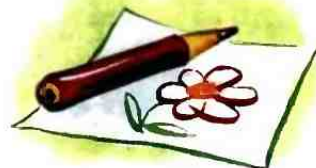
© В. Берестов, 1998
© Илл. А. Шахгелдян, 1998
© Издательский дом «Искатель», 1998

ISBN 5-89487-072-0

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Нежарким солнышком согреты,
Леса ещё листвою одеты.
У первоклассников букеты.
День хоть и грустный, но весёлый!
Грустишь ты: — До свиданья, лето —
И радуешься: — Здравствуй, школа!

КТО ЧЕМУ НАУЧИТСЯ

Чему первым делом
Научится кошка?

— Хватать!

Чему первым делом
Научится птица?

— Летать!

Чему первым делом
Научится школьник?

— Читать!

Котёнок вырастет кошкой,
Такой же, как все на свете.
Птенец превратится в птицу,
Такую ж, как все на свете.
А дети читают,
А дети мечтают,
И даже их мамы и папы не знают,
Кем станут, кем вырастут дети.

ВДВОЁМ

Идём лесной тропинкой в первый класс,
И паутинки задевают нас.
Колючие хвоинки сыплют ели
На наши плечи, шапки и портфели.
И, развлекая спутницу мою,
Я песни громким голосом пою
Про подвиги, про смерть на поле боя.
Но вот просвет и небо голубое,
А там и школа на краю села,
Друзья и всевозможные дела.
И ты свой ранец у меня взяла.
А мне ещё в лесу побыть хотелось.
Так хорошо мне никогда не пелось.

ТРИ ДОРОГИ

Приходил я в первый класс
По одной из трёх дорог.
Приходилось каждый раз
Выбирать одну из трёх.

Первая из них была
Длинной улицей села.
Там из окон, из ворот
Всё поглядывал народ.
Я товарищей встречал,
Различал их за квартал,
То кого-то поджидал,
То кого-то догонял.

А вторая за мостом
Потаённую тропой
Вьётся в ельнике густом.

Птиц послушай. Песню спой.
Посиди чуть-чуть на пне
Сам с собой наедине.

Третья тропка коротка.
Три минуты до звонка.
Мчишься, голову сломя,
Между первыми двумя.

У МЕНЯ В ПОРТФЕЛЕ

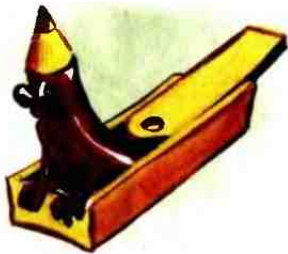
Портфель

Зимую в школу он бежит,
А летом в комнате лежит,
Но только осень настаёт,
Меня он за руку берёт.

Пенал

Карандаш в пенале мается,
Но зато он не ломается.
Ручка в темноте находится,
Но зато легко находится.

Точилка

Почему из-под точилки
Вьются стружки и опилки?
Карандаш писать не хочет, —
Вот она его и точит.

Карандаш

Я — малютка карандашик,
Исписал я сто бумажек.
А когда я начинал,
То с трудом влезал в пенал.
Школьник пишет и растёт,
Карандаш — наоборот.

Ручка

Буквы напечатанные —
Очень аккуратные.
Буквы для письма
Я пишу сама.

Очень весело пишется ручке:
Буквы держат друг дружку за ручки.
— Ой, мамочки! — сказала ручка. —
Что значит эта закорючка?
— Чернильная ты голова,
Ты ж написала цифру «2»!

Учебник

— Учитель у меня в портфеле!
— Кто? Быть не может! Неужели?
— Взгляни, пожалуйста! Он — тут.
Его учебником зовут.

Линейка

Я — линейка.
Прямота —
Главная моя черта.

Закладка

Я — красивая закладка.
Я нужна вам для порядка.
Зря страницы не листай.
Где закладка, там читай!

Кисточка

Над бумажным над листом
Машет кисточка хвостом.
И не просто машет,
А бумагу мажет,
Красит в разные цвета.
Ух, какая красота!

Тетрадки

Тетрадки в портфеле шуршали,
Что в жизни важнее, решали.
Тетрадка в линейку бормочет:
— Грамматика! —
А в клетку тетрадка ворчит:
— Математика! —
На чём примирились тетрадка
с тетрадкой,
Для нас до сих пор остаётся
загадкой.

Резинка

Я — ластик, я — резинка,
Чумазенькая спинка.
Но совесть у меня чиста, —
Помарку стёрла я с листа.

Циркуль

Циркуль мой, циркач лихой,
Чертит круг одной ногой,
А другой проткнул бумагу,
Уцепился и — ни шагу.

Счеты

То считаю втихомолку я,
То опять на счётах щёлкаю.
Если правильно считать,
То всегда получишь пять!

Дневник

В дневнике задания на дом
И стоят отметки рядом.
До чего же хороши!
Ну-ка, мама, подпиши!

АЛЬБОМ ДЛЯ РИСОВАНИЯ

И в десять лет, и в семь, и в пять
Все люди любят рисовать.
И каждый сразу нарисует
Всё, что его интересует.
Всё вызывает интерес:
Далёкий космос, ближний лес,
Цветы, машины, пляски, сказки...
Всё нарисуем! Были б краски,
Да лист бумаги на столе,
Да мир в семье и на земле!

УСТНЫЙ СЧЁТ

Ну-ка в сторону карандаши.
Ни костяшек. Ни ручек. Ни мела.
Устный счёт! Мы творим это дело
Только силой ума и души.

Числа сходятся где-то во тьме,
И глаза начинают светиться,
И кругом только умные лица,
Потому что считаем в уме.

КОТЁНОК ХОЧЕТ В ШКОЛУ

Я — котик умный и весёлый,
Но никогда не видел школы.
Возьми меня с собою в класс:
Я помяую для вас!

ПРИЯТНАЯ ВЕСТЬ

— Без четверти шесть!
Без пятнадцати шесть!
Хотите услышать
Приятную весть?

— Так что же случилось
Без четверти шесть?
Какая такая
Приятная весть?

— А то, что я сам,
Понимаете, САМ
Умею часы
Узнавать по часам.

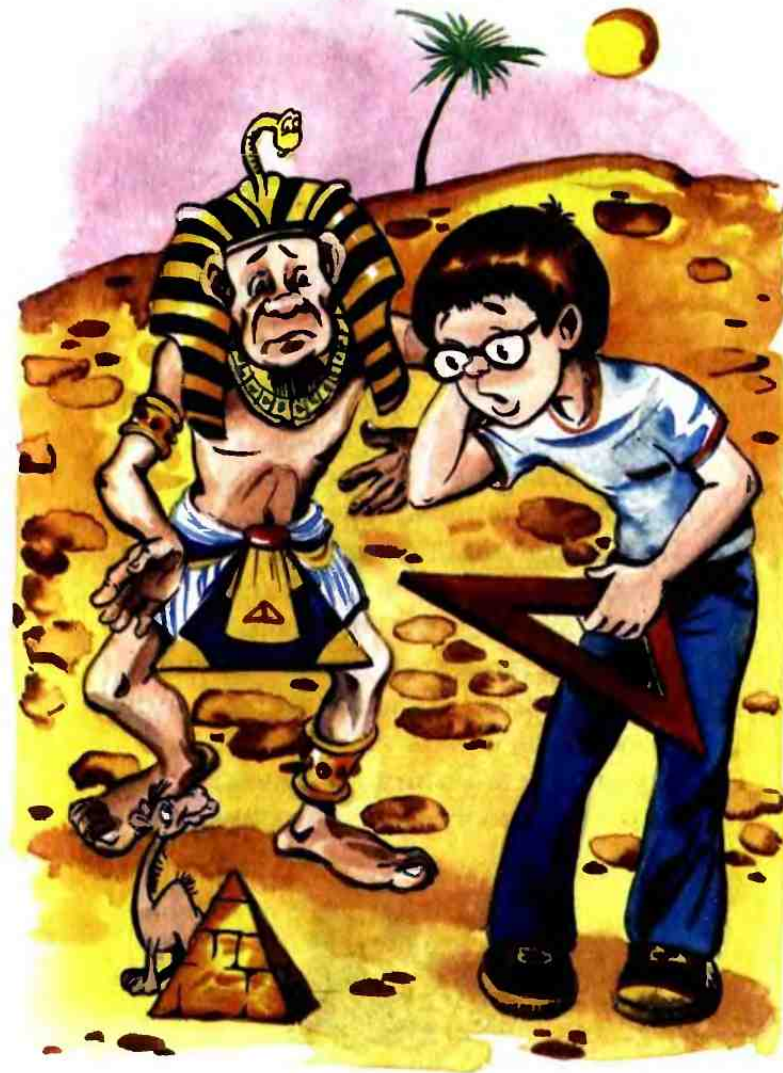
— Ты прав. Так и есть,
Без пятнадцати шесть!
Спасибо тебе
За приятную весть!

ПАРАЛЛЕЛЕПИПЕД

Ученик
Отправился в Египет
Посмотреть на параллелепипед.
И представьте вы его обиду:
Он увидел только пирамиду.

БУКСИР

Я — буксир. Что же делать буксиру?
Прикрепили — поволоку.
Вот опять я иду на квартиру
К прикреплённому ученику.
Прикреплённый сидит как побитый,
И глядит на учебник с обидой,
И печально кладёт на диван
Приключенческий пухлый роман.
Что глядишь? Я такой же мальчишка
И нисколько тебя не умней,
А учебник — такая же книжка,
Разве только чуть-чуть поскучней.

КТО ТАКОЙ НОФЕЛЕТ?

Каким учёным Федя стал!
Кто б мог сравниться с Федею?
Он лето целое листал
Тома энциклопедии.
Людей известных, например,
Он знает всех... до буквы Р.

— А ну-ка, Федя, дай ответ:
А кто такой был Нофелет?

— Кто? Нофелет? Ах, Нофелет...
Скажу я вам на это,
Что стыдно людям ваших лет
Не знать про Нофелета!
Жил в древнем Риме
Нофелет —
Не то мудрец, не то поэт. —

Откуда только знает он
Такого мудреца?
Мы просто слово «те-ле-фон»
Прочли ему с конца.
А получился Но-фе-лет —
Не то мудрец, не то поэт.

ЧТО ВСЕГО МИЛЕЕ

Что всего милее для тебя, мальчишка?
В хлебе — горбушка,
В капусте — кочерыжка,
В варенье — пенка,
А в школе — переменка!

КАРТИНКИ В ЛУЖАХ

В лужах картинки!
На первой — дом,
Как настоящий,
Только вверх дном.

Вторая картинка.
Небо на ней,
Как настоящее,
Даже синей.

Третья картинка.
Ветка на ней,
Как настоящая,
Но зеленей.

А на четвёртой
Картинке
Я промочил
Ботинки.

КОШКИН ЩЕНОК

Был у кошки сын приёмный —
Не котёнок, а щенок.
Очень милый, очень скромный,
Очень ласковый сынок.
Без воды и без мочала
Кошка сына умывала.
Вместо губки, вместо мыла
Языком сыночка мыла.
Быстро лижет язычок
Шею, спинку и бочок.
Кошка-мать —
Животное
Очень чистоплотное.

Но подрос
Сынок приёмный,
И теперь он пёс

Огромный.
Бедной маме не под силу
Мыть лохматого верзилу.
На громадные бока
Не хватает языка.

Чтобы вымыть шею
Сыну,
Нужно влезть к нему
На спину.

«Ох! — вздохнула кошка-мать. —
Трудно сына умывать.
Сам плескайся
И купайся,
Сам
Без мамы
Умывайся!»

Сын купается в реке,
Мама дремлет на песке.

СКАЗКА ПРО ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

Автомобилю в выходной
Хотелось отдохнуть.
Под крышей душно в летний зной,
И он пустился в путь.
Мелькнул зелёный светофор...
— Пстой! А где же мой шофёр?
Один я бегать не могу,
Но тем не менее
Бегу.
А что? Сегодня выходной,
Не грех и погулять.
По радио, должно быть, мной
Решили управлять.
Что ж! Век двадцатый — век чудес! —
Себя утешил он. —
Поедем дальше...

Вот и лес
Поднялся с двух сторон.
Порой посмотришь за кювет,
А там — сплошной зелёный свет.

Он так и манит в глубину,
Зовёт к себе тайком.
Автомобиль сказал: — А ну!
Отправимся пешком!

Через кювет перескочил,
Вздыхнул: — Прощай, шоссё! —
И сразу шины промочил
В сверкающей росе.

Он видел красные стволы
И слушал шум вершин.
И пахли капельки смолы
Не хуже, чем бензин.

Он дал гудок: — Дорогу мне!
Позвольте мне пройти! —
Стоят стеной — сосна к сосне —
Деревья на пути.

Но тут раздвинулись они,
И свет блеснул вдали.
И даже кочки, даже пни

В сторонку отползли.
Теперь он шёл куда хотел
И всё гудел, гудел, гудел...

И вдруг ответный громкий зов
Издали могучий лось.
И эхо сотней голосов
Друзьям отозвалось.

...Он лёг в траву.
А между тем
По листьям и цветам
Жуки всех марок и систем
Ползли и тут и там.

А вот взлетела стрекоза.
Как фары — у неё глаза.
Вот каплю сока собрала
И прочь летит пчела.

Вот гусеница. Здесь она
Ползёт без трактора, одна.
(Поползай, прежде чем летать,
Коль хочешь бабочкою стать!)

Но вдруг турист,
Дрожа, как лист,
Услышал с ветки чей-то свист.
Свисток немного посвистел,
Махнул крылом и улетел.

Среди берёз, среди дубов
Ходил бродяга наш
И с полным кузовом грибов
Вернулся в свой гараж.

И, отдохнув среди полей,
В лесах набравшись сил,
Теперь он бегал веселей
И лучше тормозил.

ХОДУЛИ

Несут меня ходули,
Кричат ребята: «Слазы!»
Боюсь, не упаду ли
С ходулей
Прямо в грязь.

И сразу позабудут,
Как важно я ходил,
Но долго помнить буду,
Куда я угодил.

МЕЧТАТЕЛЬ

Сижу на самой верхней ветке,
И чудится, что я в разведке,
Или на мачте корабля,
Готовый закричать: «Земля!»
А ветер дерево качает.
Никто меня не замечает.
А я забрался выше всех,
И вижу всех,
И слышу всех!

* * *

Мой спутник — дождик! Ты в речной
воде
Шипишь, как масло на сковороде,
И в луговой траве шуршишь, как мышь,
И в листьях, словно ветер, шелестишь.
И прежде чем я трону дверь ключом,
Ты на прощанье прожурчишь ручьём.

БАБУШКА КАТЯ

Вижу, бабушка Катя
Стоит у кровати.
Из деревни приехала
Бабушка Катя.

Маме узел с гостинцем
Она подаёт,
Мне тихонько
Сушёную грушу суёт.

Приказала отцу моему,
Как ребёнку:
«Ты уж, деточка, сам
Распряги лошадёнку!»

И с почтеньем спросила,
Склонясь надо мной:
«Не желаешь ли сказочку,
Батюшка мой?»

СЧАСТЬЕ

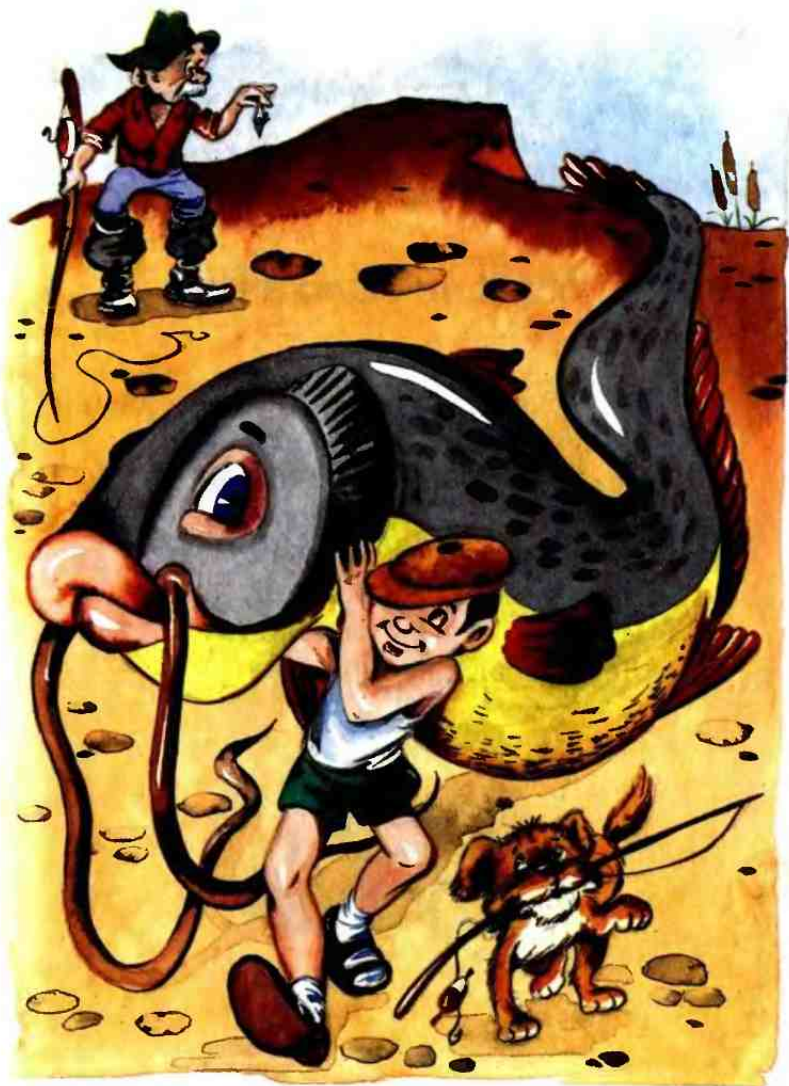
Валентину Катаеву

Гриб за грибом ложился в кузовок.
Я счастлив был, хотя валился с ног.
Но я ещё счастливее бывал,
Когда глаза в постели закрывал, —
И вспыхивало сразу предо мной
Всё, что скрывал от глаза мрак лесной,
Всё, что я, глядя под ноги, искал.
Кто в темноте ковёр цветной соткал
Из рыжиков, из белых и маслят?
Картинами такими тешит взгляд,
Работая тайком, не напоказ.
Художник, что живёт в любом из нас.

СОН ВО СНЕ

Вот это да! Вот это рыба!
Длиною — во! А весом — глыба!
Огнём сверкает чешуя.
Постой, не сон ли вижу я?
Я ущипнул себя невольно.
И что ж? Ни капельки не больно.
И так и сяк себя щиплю.
Опять не больно. Значит, сплю...

ОСЕННИЕ ОДУВАНЧИКИ

В веночке из листков распластанных,
Полуувядших, тёмно-красных,
Без стебелька, без цветоножки,
Как пуговицы или брошки,
Лежат они, к земле приколоты,
Последнее живое золото.
И словно первые снежинки
Летят последние пушинки.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРИРОДЕ

Спустили пруд. Не стало рыб,
Ни ряски, ни стрекоз, ни тины,
Ни отражённой той картины
С листвой и небом. У плотины
Как будто целый мир погиб.
И вновь свои изгибы вьёт
Былой ручей на месте пруда,
Из-под своих же темных вод
Возникший, будто из-под спуда.

КАК Я ПЛАВАТЬ НАУЧИЛАСЬ

Спасибо тебе,
Крокодил надувной,
За то, что ты лопнул
В воде подо мной!
Но вместо того,
Чтобы крикнуть «Тону!»,
Возьму и руками
Раздвину волну.
Победой
Беда обернулась моя.
Смотрите! Я плаваю!
Плаваю я!
Теперь крокодил,
Если он надувной,
Не может уже
Подшутить надо мной!

НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ

Хватило мальчишеских сил —
Я реку мою переплыл.
И вот я на том берегу!
Зубами стучу на бегу.
Вступаю в неведомый край...
Ракита. Корыто. Сарай.
Крапива. Горшки на плетне.
Один на чужой стороне!

АВГУСТ

Приходит август с урожаем
Ко всем, но только не к лентяям.
Кто проспит, тот вернётся
С пустыми руками.
А кто рано проснётся,
Тот — с боровиками.

Витя, Фитюлька и Ластик

ЧЕСТНОЕ ГУСЕНИЧНОЕ

Гусеница считала себя очень красивой и не пропускала ни одной капли росы, чтобы в неё не посмотретья.

— До чего ж я хороша! — радовалась Гусеница, с удовольствием разглядывая свою плоскую рожицу и выгибая мохнатую спинку, чтобы увидеть на ней две золотые полоски. — Жаль, никто-никто этого не замечает.

Но однажды ей повезло. По лугу ходила девочка и собирала цветы. Гусеница взобралась на самый красивый цветок и стала ждать. А девочка увидела её и сказала:

— Какая гадость! Даже смотреть на тебя противно!

— Ах так! — рассердилась Гусени-

ца. — Тогда я даю честное гусеничное слово, что никто, никогда, нигде, ни за что и непочём, ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах больше меня не увидит.

Дал слово — нужно его держать, даже если ты Гусеница.

И Гусеница поползла на дерево. Со ствола на сук, с сука на ветку, с ветки на веточку, с веточки на сучок, с сучка на листок. Вынула из брюшка щёлковую ниточку и стала ею обматываться.

Трудилась она долго и наконец сделала кокон.

— Уф, как я устала! — вздохнула Гусеница. — Совершенно замоталась.

В коконе было тепло и темно, делать больше было нечего, и Гусеница уснула.

Проснулась она оттого, что у неё ужасно чесалась спина. Тогда Гусеница стала тереться о стенки кокона. Тёрлась, тёрлась, протёрла их насквозь и вывалилась. Но падала она как-то странно — не вниз, а вверх. И тут Гусеница на том же самом лугу увидела ту же самую девочку.

«Какой ужас! — подумала Гусеница. — Пусть некрасива, это не моя вина, но теперь все узнают, что я ещё и обманщица. Дала честное гусеничное, что никто меня не увидит, и не сдержала его. Позор!»

И Гусеница упала в траву.

А девочка увидела её и сказала:

— Какая красивая!

— Вот и верь людям, — ворчала Гусеница. — Сегодня они говорят одно, а завтра — совсем другое.

На всякий случай она погляделась в каплю росы. Что такое? Перед ней — незнакомое лицо с длинными-предлинными усами. Гусеница попробовала выгнуть спинку и увидела, что на спинке у неё появились большие разноцветные крылья.

«Ах вот что! — догадалась она. — Со мной произошло чудо. Самое обыкновенное чудо: я стала Бабочкой! Это бывает».

И она весело закружилась над лугом, потому что честного бабочкиного слова, что её никто не увидит, она не давала.

КАК НАЙТИ ДОРОЖКУ

Ребята пошли в гости к деду-леснику. Пошли и заблудились. Смотрят — над ними Белка прыгает. С дерева на дерево. С дерева на дерево. Ребята — к ней:

*— Белка, Белка, расскажи,
Белка, Белка, покажи,
Как найти дорожку
К дедушке в сторожку?*

— Очень просто, — отвечает Белка. — Прыгайте с этой ёлки вон на ту, с той — на кривую берёзку. С кривой берёзки виден большой-большой дуб. С верхушки дуба видна крыша. Это и есть сторожка. Ну что же вы? Прыгайте!

— Спасибо, Белка! — говорят ребята.

та. — Только мы не умеем по деревьям прыгать. Лучше мы ещё кого-нибудь спросим.

Скачет Заяц. Ребята и ему спели свою песенку:

*— Зайка, Зайка, расскажи,
Зайка, Зайка, покажи,
Как найти дорожку
К дедушке в сторожку?*

— В сторожку? — переспросил Заяц. — Нет ничего проще. Сначала будет пахнуть грибами. Так? Потом — заячьей капустой. Так? Потом запахнет лисьей норой. Так? Обскачите этот запах справа или слева. Так? Когда он останется позади, понюхайте вот так и услышите запах дыма. Скачите прямо на него, никуда не сворачивая. Это дедушка-лесник самовар ставит.

— Спасибо, Зайка, — говорят ребята. — Жалко, что носы у нас не такие чуткие, как у тебя. Придётся ещё кого-нибудь спросить.

Видят, ползёт Улитка.

*— Эй, Улитка, расскажи,
Эй, Улитка, покажи,*

*Как найти дорожку
К дедушке в сторожку?*

— Рассказывать до-о-олго, — вздохнула Улитка. — Лу-у-уч-ше я вас туда провожу-у-у. Ползите за мной.

— Спасибо, Улитка! — говорят ребята. — Нам некогда ползать. Лучше мы ещё кого-нибудь спросим.

На цветке сидит Пчела. Ребята к ней:

*— Пчёлка, Пчёлка, расскажи,
Пчёлка, Пчёлка, покажи,
Как найти дорожку
К дедушке в сторожку?*

— Ж-ж-ж, — говорит Пчела. — Покажжжу... Смотрите, куда я лечу. Идите следом. Увидите моих сестёр. Куда они, туда и вы. Мы дедушке на пасеку мёд носим. Ну, до свиданья! Я уж-ж-жасно тороплюсь. Ж-ж-ж...

И улетела. Ребята не успели ей даже спасибо сказать.

Они пошли туда, куда летели пчёлы, и быстро нашли сторожку. Вот была радость! А потом дедушка их чаем с мёдом угостил.

ВИТЯ, ФИТЮЛЬКА И ЛАСТИК

Однажды Витя взял бумагу и карандаш и нарисовал человечка: голова кружком, глаза точками, нос запятой, рот закорючкой, живот огурцом, руки и ноги как спички.

И вдруг...

— Здравствуйте! — пискнул человечек. — Меня зовут Фитюлька. А вас как?

— А меня Витя, — ответил удивлённый мальчик.

— Простите, я не расслышал, — сказал человечек. — Если это вас не затруднит, нарисуйте мне, пожалуйста, уши.

— Конечно, не затруднит! — закричал Витя и быстро нарисовал человечку уши.

— Чрезвычайно вам признателен! — обрадовался Фитюлька. — Слышимость отличная. Только одно ухо вы мне поместили как раз посередине щеки. Впрочем, если так надо, я не возражаю.

— Нет, не надо, — сказал Витя. — Ну-ка, Ластик, помогай!

Ластик потёр Фитюльке ухо, и оно пропало. А Витя нарисовал новое. Там, где надо.

— Хочешь, я тебе нос сотру? — предложил Ластик.

— Благодарю за внимание, — ответил вежливый Фитюлька, — но лучше потрите мне другую щёку. Бумага, понимаете ли, бела как снег, и я, с вашего позволения, мёрзну...

— Как это — с нашего позволения? — удивился Витя и нарисовал Фитюльке тёплую шапку-ушанку, шубу, валенки, бороду, чтобы не мёрзли щёки.

— Ну как? — спросил мальчик. — Согрелся?

— Спасибо, внучек! — сказал Фитюлька басом. — Уважил старика. Уж теперь-то я зимушку перезимую...

— Минуточку! — сказал Витя. — Сейчас наступит лето.

Синим карандашом он нарисовал небо, зелёным — траву и деревья, а жёлтым — яркое-яркое солнце.

— Ну как? Хорошо? — спросил он Фитюльку.

— Оно бы и хорошо... — вздохнул бородатый Фитюлька, — однако упарился я, как в бане. Хоть бы шубейку скинуть.

— Простите, дедушка! — прошептал Витя. — Ну-ка, Ластик, помогай!

Ластик потёр шапку — не стало шапки, потёр шубу и валенки — не стало ни шубы, ни валенок.

Витя поправил рисунок, нарисовал Фитюльке трусики и глазам своим не поверил.

— В трусах, а с бородой! Так не бывает. Ну-ка, Ластик, помогай!

Ластик мигом сбрил Фитюльке бороду, и человечек помолодел.

— Эй, Витька, давай играть в футбол! — закричал Фитюлька. — Нарисуй мне мяч!

Витя нарисовал Фитюльке замечательный футбольный мяч.

— А теперь давай играть! — предложил Фитюлька.

— Как же я буду с тобой играть? — задумался Витя. — Ты нарисованный, мяч тоже нарисованный. Знаешь что? Ты пока один потренируйся, а я пойду во двор, с ребятами поиграю. Не скучай!

И ушёл... Фитюльке стало так невыносимо грустно, что даже Ластик его пожалел:

— Ладно уж, давай я с тобой поиграю.

— Давай! — обрадовался Фитюлька. — Держи мяч! Пасуй!

Ластик ударил по мячу. Раз! Половинки мяча как не было — стёрлось! Ещё раз! Совсем ничего не осталось!

— Отдай мяч! — захныкал Фитюлька. — Отда-а-ай!

— Как же я его отдам? — удивился Ластик. — Его же больше нет. Нельзя отдать то, чего нет.

— Ладно, ладно, — ворчал Фитюлька. — Я всё Вите скажу.

— А вот и не скажешь, — разозлился Ластик. — Потому что я тебе рот сотру. Терпеть не могу, когда хнычут и ябедничают!

— Не на-а-а...

Вот и всё, что успел крикнуть Фитюлька.

Был у него рот — стало пустое место. Теперь он мог только шмыгать носом и всхлипывать. Из глаз у него выкатились две огромные слезы.

— Ах ты плакса! Ах ты ябеда! — сер-

дился Ластик. — Захочу и всего тебя сотру в порошок. Только бумаги жалко.

Вернулся Витя.

— Что тут произошло? Где мяч? Эй, Фитюлька, куда ты дел мяч? Чего ж ты молчишь? У тебя рта нет, что ли?

Мальчик посмотрел на Фитюльку и увидел, что у того и правду вместо рта пустое место.

— Эй, Ластик, что тут без меня произошло? Я тебя русским языком спрашиваю. Отвечай!

«В самом деле русским языком, — подумал Ластик. — Если бы он спрашивал меня по-немецки, я бы его, пожалуй, не понял».

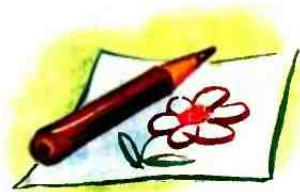
— Это всё твои штучки, Ластик! — догадался Витя. — Сколько раз я просил тебя не трогать рисунок? Полезай в пенал!

Ластик послушно лёг в пенал и начал считать, сколько раз Витя просил его не трогать рисунок. Считал, считал, сбился со счёта, начал считать сначала. И вдруг он услышал знакомый голос:

— Ну-ка, Ластик, помогай! Нужно Фитюльке слёзы утереть.

Ластик выскочил из пенала и ахнул: рядом с Фитюлькой была целая футбольная команда, а чуть пониже солнца летал новенький мяч.

— Замечательный рисунок! — восхитился Ластик и весело взялся за дело.

ЗМЕЙ-ХВАСТУНИШКА

Однажды Витя сделал Змей. День был пасмурный, и мальчик нарисовал на Змее солнце.

Витя отпустил нитку. Змей поднимался всё выше, мотая длинным хвостом и напевая песенку:

*— Я лечу
И рею.
Я свечу
И грею!*

— Ты кто такой? — спросили птицы.

— Разве не видите? — ответил Змей. — Я солнце!

— Неправда! Неправда! — закричали птицы. — Солнце за тучами.

— За какими такими тучами? — разозлился Змей. — Солнце — это я! Ника-

кого другого солнца не было, нет, не будет и не надо! Ясно?

— Неправда! Неправда! — испугались птицы.

— Что-о-о? Цыц, короткохвостые! — крикнул Змей, сердито мотая своим длинным хвостом.

Птицы разлетелись.

Но тут выглянуло солнце.

— Заклевать хвастунишку! Выщипать хвост обманщику! — закричали птицы и набросились на Змея.

Витя начал быстро сматывать нитку, и Змей упал в траву.

— Что ты там натворил? — спросил мальчик.

— А что? — обиделся Змей. — И пошутить нельзя?

— Шутить шути, — сказал Витя, — но зачем же врать и хвастаться? Ты должен исправиться.

— Вот ещё новое дело! — проворчал Змей. — И не подумаю. Пускай птицы сами исправляются!

— Ах так! — возмутился Витя. — Ну хорошо! Тогда я тебя исправлю. Теперь уж ты никого не обманешь и не напугаешь, хоть лопни от злости!

Мальчик взял кисть и краски и превратил нарисованное солнце в смешную рожицу.

Змей опять полетел в небо, распевая песенку:

— Я лечу,
Я парю,
Что хочу,
То творю!

Он и дразнился, и врал, и хвастался. Но теперь все видели его смешную рожицу и думали, что он шутит. А он совсем не шутил.

— Я солнце! Слышите? Я солнце! — кричал Змей.

— Ха-ха-ха! — смеялись птицы. — Ох и насмешил! Ох, уморил! С тобой, брат, не соскучишься!

— Цыц, короткохвостые! — ворчал Змей, сердито мотая своим длинным хвостом.

Но птицы смеялись ещё громче, кружились рядом со Змеем и дёргали его за хвост.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК¹

У Солнца много дружных сыновей — лучей. самого маленького зовут Зайчик, потому что он никогда не сидит на месте, всюду бегает, забирается даже туда, куда другие лучи попасть не могут. Очень любит Зайчик играть с ребятами: даёт себя поймать в зеркальце и с удовольствием скачет, куда его пошлют.

Как многие малыши, Зайчик не любил ложиться спать. Однажды вечером, когда Солнце уводило своих детей на покой, Зайчик спрятался и решил посмотреть, что будет дальше.

Стемнело, и Зайчик остался совсем один. Он старался светить изо всех сил,

¹ Написано совместно с Н. Панченко и по его сюжету.

но от одного луча, да ещё такого маленького, большая чёрная ночь не станет светлей. Этого не могут сделать даже звёзды, хотя их очень много.

Зайчику стало скучно одному, и он побежал туда, где светло. Это был город. Там было столько огней, что Зайчика никто не заметил. Больше всего ему понравились три весёлых огонька: зелёный, жёлтый и красный. Они играли в прятки — двое прячутся, один водит. Зайчик подлетел к ним.

Красный огонёк сердито крикнул ему:
— Стоп!

Потом выглянул жёлтый и прошептал:

— Осторожно!

А зелёный сказал:

— Путь свободен! Уходи, пожалуйста! Не видишь, что ли, — мы работаем! Мы — Светофор!

Тогда Зайчик начал искать детей, заглядывать в тёмные окна. Все дети крепко спали в своих кроватках и видели интересные сны. Никто из них не проснулся, чтобы поиграть с Зайчиком.

Зайчик загрустил — ведь он никому

не нужен в ночном городе. И побежал в лес. «Вот где, — думает, — поиграю со зверями и птицами».

Кончились дома, и вместо улицы осталась только дорога.

Здесь было очень весело. Огоньки машин мигали друг другу, бегали наперегонки, играли в пятнашки.

— Я вожу! — кричал Зайчик, бросаясь то к одному, то к другому огоньку.

Машины сначала шарахались от него, думая, что на них мчится другой автомобиль, а потом рассердились и загудели:

— Уходи с дороги! Ты не знаешь наших правил!

— Ну и ладно! — сказал Зайчик и свернул в лес.

Первое, что увидел Зайчик в тихом тёмном лесу, был зелёный огонёк в траве. Красного и жёлтого рядом не было.

— Вот и хорошо! — обрадовался Зайчик. — Значит, не Светофор. Можно поиграть.

Но огонёк словно под землю провалился. Искал, искал его Зайчик и ничего не нашёл в траве, кроме какого-то

скучного червяка. А это и был Светлячок.

И тут к Зайчику со всех сторон слетелась мошкара.

— Вот уж попляшем, покружимся! — жужжала мошкара и пошла отплясывать.

Мошек и комаров становилось всё больше и больше. Они глупо толклись, подсакивали и быстро надоели Зайчику.

А где же звери? Вот пробежал кто-то, сверкнули глаза. Зайчик не знал, что это Волк, и погнался за ним. Голодный зверь убежал без оглядки, забился в кучу валежника и всю ночь подвывал и лязгал зубами от страха и злости. Он и не думал, что первый раз в жизни испугался зайца. Хотя и солнечного, но всё-таки зайца.

Не найдя зверей, Зайчик полетел по гнёздам. Какой-то Грач проснулся и заорал спросонья:

— Брратцы! Карраул! Пррроспали! Порра на рработу!

Другие грачи заворочались, подняли головы, увидели, что кругом темно, и проворчали:

— Ррано! Ррано! Спи, дуррак!
Только одна большая птица не спала — низко летала, чего-то искала.

— Вы что-то потеряли? Разрешите, я вам посвечу, — предложил Зайчик.

— Прочь! — сказала птица. — Я из-за тебя ничего не вижу.

Зайчик удивился: что это за птица, если ей, чтобы лучше видеть, нужна темнота? Он осветил её и увидел перед собой Сову. Они оба испугались друг друга и разлетелись в разные стороны.

«Все добрые звери и птицы спят, в лесу мне делать нечего», — вздохнул Зайчик и полетел к морю.

По морю шли корабли. Светили прожекторы и круглые окна кают. Корабли были такие огромные, важные, что Зайчик не решился с ними играть, нырнул под воду.

На его свет приплыли рыбы. Играть с ними было неинтересно: набрали в рот воды и молчат. Зайчик потрогал их и отскочил — такие они скользкие, холодные. Рыбы — за ним. Шевелят плавниками, таращат глаза.

— А я от вас убегу, — сказал Зайчик и вынырнул.

Не тут-то было! Вслед за ним выпрыгнула из воды Летучая рыба, чуть было не догнала его, но, к счастью, сорвалась и плюхнулась в море.

Зайчик носился над морем, чуть не плача: «Жу-у-утко!»

И вдруг он увидел вдалеке добрый-добрый манящий огонь. Это был Маяк.

Рядом с ним совсем не страшно. Маяк приветливо мигал проходящим кораблям. Зайчик решил ему помочь и тоже стал подмигивать. Но он потому и Зайчик, что не может усидеть на одном месте. И малыш начал резвиться, убежать туда-сюда.

— Шёл бы ты спать, сынок! — ласково сказал Маяк. — Ты мне немножко мешаешь. А вдруг из-за тебя какой-нибудь корабль собьётся с пути!

— Куда же я пойду? — жалобно спросил Зайчик.

— В горы, — посоветовал добрый Маяк. — Туда раньше всего приходит Солнце с твоими братьями.

В горах светил костёр. У костра сиде-

ли чабаны в папахах и пели длинную песню. Рядом, сбившись в кучу, дремали овцы. Зайчик незаметно подкрался к костру, лёг на расстеленную бурку и уснул.

Проснулся — нет ни бурки, ни чабанов, ни овец. Костёр догорел. Бедный Зайчик продрог, съёжился, побледнел. И тут показалось Солнце, хлынули братья-лучи. И Зайчик вместе с ними кубарем покатился в долину — играть, сверкать, веселить ребят.

ЗЛОЕ УТРО

Лес просыпается, шелестит, журчит, шумит:

— Доброе утро! Доброе утро! Доброе утро!

Просыпаются и волчата у себя в норе:

— Доброе утро, мамочка! Доброе утро, папочка!

Родители хмурятся. Они всю ночь рыскали по лесу, никого не загрызли и очень сердиты.

— Утро не всегда бывает добрым, — ворчит мама-волчица. — Потому-то порядочные волки по утрам спать ложатся.

— Щенки! — злится папа-волк. — Лучше бы вы меня укусили, чем говорить такие слова. «Добрррое утррро!»

Разве так должны встречать друг друга порядочные волки?

— А как, папочка? Мы не знаем, — скулят волчата.

Папа-волк подумал, подумали рывкнул:

— А вот как! Злое утро, дети!

— Злое утро, папочка! Злое утро, мамочка! — радостно подхватывают волчата.

И так они весело визжат, крича эти страшные слова, что родители не выдерживают:

— Доброе утро, малыши! Доброе утро!

РЕЧКА СКНИЖКА

Что за странное шествие движется по лугам и огородам, даже не глядя на стог сена, на грядки с капустой и репой, на корову с телёнком?

Это огромные серебристые ивы, важные, невозмутимые, встали парами, взяли за руки, наклонились друг к дружке, чтобы удобнее было шептаться, и, сворачивая то вправо, то влево, а то и назад, медленно, неохотно бредут туда, где течёт большая светлая Ока.

Подойди к ним. Раздвинь палкой высокую крапиву. Только, пожалуйста, не задень при этом ежевики и смородины. И если ни крапива, ни даже вкусные ягоды тебя не задержат, то ты увидишь под тяжёлым навесом ветвей маленькую речку Скнижку. Даже днём бежит она в

полумраке, и её вода кажется не прозрачной, а какой-то чёрно-зелёной.

Ивы дрожат над ней каждым листочком. Чтобы солнце её не пекло, чтобы ветер её не морщил (ей так вредно волноваться!), чтоб корова её не выпила, а телёнок не замутил, чтобы укрыть её от дурного глаза. А так как неизвестно, чей глаз дурной, а чей хороший, то на всякий случай её прячут от любого глаза.

Так до самого устья (спасибо вам, добрые ивы!) не увидит Скнижка ни солнца, ни неба, ни облаков, ни домов, ни коров, ни купальщика, ни рыбака, ни лодчонки, ни поплавка, ни лесов, ни полей, ни детей, ни сетей...

А заботливые ивы нарочно сворачивают то туда, то сюда, чтобы дорога была длиннее, чтобы не скоро добежала Скнижка до Оки, чтобы долго она не увидела широкого мира.

— Ах, ах, она еще совсем дитя, ей рано, рано... — шепчут ивы, всё теснее сплетаясь над ней, всё ниже склоняясь к чёрно-зелёной воде и глядя её своими ветками.

А речка бежит и бежит. Её не удержишь даже лаской.

МАТЬ-И-МАЧЕХА

Этот яркий жёлтый цветок на светлом мохнатом стебельке появляется весной вместе с подснежниками. Он так торопится, что не успевает выпустить листья. Он даже не знает, какие они.

А цветёт он там, где земля потревожена, изранена, обнажена. Цветёт на откосах. Цветёт около ям и в самих ямах. Весело желтеет на гудах выброшенной земли.

— Мать-и-мачеха расцвела! Мать-и-мачеха расцвела! — радуются люди.

— Кого они так называют? — удивляется цветок. — Наверное, землю, на которой я расту. Для меня-то она мать, а для других цветов пока ещё мачеха.

Но вот проходит время цветов, и на-

ступает пора больших зелёных листьев. С изнанки они мягкие, светлые, бархатистые; потрёшь о щёку — и станет тепло.

— Это мать, — говорят люди.

Зато снаружи листья твёрдые, скользкие; приложишь к щеке — и почувствуешь холод.

— А это мачеха, — объясняют люди.

Но листьям мать-и-мачехи всё равно, как их называют. У них слишком много забот. Как крепкие зелёные щиты, спешат они прикрыть, заслонить собой землю. А своей изнанкой, своей тёплой, материнской стороной они прижимаются к земле и шепчут ей:

— Мы с тобой, земля. Ты снова зеленеешь.

ХВОРОСТИНА

Все ветки на дереве давно уже зеленели. Только одна оставалась чёрной и голой, будто никакой весны и не было.

Сел на неё дятел, постучал клювом и сказал:

— Так-так! Абсолютно сухая ветка.

Проснулась ветка от его стука и ахнула:

— Батюшки! Никак, уже лето? Неужто я весну проспала?

— Засохла ты, — прошелестели ветки-соседи. — Хоть бы ветер тебя поскорее сломал или человек срубил, а то ты всё дерево портишь.

— Ничего, — ответила ветка. — Скоро и я зазеленею.

— Слыханное ли дело, чтобы среди

лета почки раскрылись? — заворчали ветки-соседи. — Весной надо было зеленеть, весной!

— Если я собираюсь зеленеть, значит, я не совсем сухая, — ответила ветка.

— Хворостина ты! — рассердились соседки. — Палка, дубина, чурка, полено, коряга!

— Говорите что хотите, — сказала ветка. — А я всё равно оживу.

Но её твёрдые почки так и не раскрылись. Никого она не накормила, не спрятала в тени, не приютила в листве. Не цвела она и не пускала по ветру крылатые семена.

Осенью листья на ветках пожелтели и ну летать, кружиться. Ветки-соседки заснули. Теперь они и сами стали чёрными, голыми. Сухая ветка ничем от них не отличалась. Даже дятел как ни в чём не бывало сел на неё и спросил:

— Чего не спишь? Давай спи, набирайся сил до весны! — И тут он узнал её: — Какой же я рассеянный! Хворостине о весне говорю! Так не бывает, чтобы сухая ветка снова ожила.

Вспорхнул и улетел. А ветка выпрямилась и сказала:

— Поживём — увидим.

Пришла зима. Упали снежинки на ветку, укрыли каждый её сучок, каждую почку, заполнили каждую развилку. Стало ветке тепло и тяжело, словно от листьев. Мороз. Иголочки инея выросли на ветке, окутали её со всех сторон. Ветка так и засверкала в лучах морозного солнца.

«Что ж! — подумала она. — Оказывается, не так уж плохо быть сухой веткой».

Потом наступила оттепель. На ветке повисли капли. Они переливались, блестели, падали одна за другой. А ветка всякий раз приподнималась и вздрагивала. Словно живая.

И снова снег. И снова мороз. Долгая была зима.

Но вот поглядела ветка вверх: небо тёплое, голубое. Поглядела вниз: под деревьями чёрные круги.

Растаял снег. Появились, откуда ни возьмись, прошлогодние листья и да-

вай носиться по лесу. Видно, решили, что опять их время пришло.

Ветер утих, и они угомонились. Но заметила ветка, что они и без ветра шуршат потихонечку. Это из-под них травинки вылезают.

Травинки вылезали поодиночке, а листва на дереве распустилась вся сразу. Проснулись ветки-соседки и удивились:

— Ишь ты! Хворостина-то за зиму не сломалась. Видать, крепкая.

Услышала это ветка и загрустила:

— Значит, я и вправду хворостина. Значит, ничего у меня не получится. Хоть бы срубил меня человек, бросил бы в костёр...

И она представила себе, как загорится костёр, как вспыхнут на ней языки огня, словно большие красные листья. От этого ей стало тепло и немножко больно.

Тут на неё сел дятел:

— Привет-привет! Как здоровье? Не беспокоят ли жучки-короеды?

— Дятел, дятел... — вздохнула ветка. — Опять ты всё перепутал: сухую ветку за живую принял.

— Какая же ты сухая? — удивился дятел. — Ты просто разоспалась. Другие вовсю зеленеют, а у тебя только-только почти раскрылись. Кстати, куда девалась хворостина, которая тут торчала?

— Так это же была я! — обрадовалась ветка.

— Перестань говорить глупости! — сказал дятел. — То была абсолютно сухая ветка. Чего-чего, а живую ветку от сухой я уж как-нибудь отличу. Я же всё-таки головой работаю.

АИСТ И СОЛОВЕЙ

Эту сказку услышал в Хорезме один мой знакомый. А я решил пересказать её вам.

Было время, когда птицы не умели петь. И вдруг они узнали, что в одной далёкой стране живёт старый, мудрый человек, который учит музыке. Тогда птицы послали к нему аиста и соловья.

Аист очень торопился. Ему не терпелось стать первым в мире музыкантом.

Он так спешил, что вбежал к мудрецу и даже в дверь не постучался, не поздоровался со стариком, а изо всех сил крикнул ему прямо в ухо:

— Эй, старикан! Ну-ка, научи меня музыке!

Но мудрец решил сначала поучить его

вежливости. Он вывел аиста за порог, постучал в дверь и сказал:

— Надо делать вот так.

— Всё ясно! — обрадовался аист. — Это и есть музыка? — и улетел, чтобы поскорее удивить мир своим искусством.

Соловей на маленьких крыльях прилетел позже. Он робко постучался в дверь, поздоровался, попросил прощения за беспокойство и сказал, что ему очень хочется учиться музыке.

Мудрецу понравилась приветливая птица. И он обучил соловья всему, что знал сам. С тех пор скромный соловей стал лучшим в мире певцом.

А чудак аист умеет только стучать клювом. Да ещё хвалится и учит других птиц:

— Эй, слышите? Надо делать вот так, вот так! Это и есть настоящая музыка! Если не верите, спросите старого мудреца.

МАСТЕР ПТИЦА

Мы ехали из пустыни в город Куня-Ургенч. Кругом лежали пески. Вдруг я увидел впереди не то маяк, не то фабричную трубу.

— Что это? — спросил я шофёра-туркмена.

— Старинная башня в Куня-Ургенче, — ответил шофёр.

Я, конечно, обрадовался. Значит, скоро мы выберемся из горячих песков, очутимся в тени деревьев, услышим, как журчит вода в арыках.

Не тут-то было! Ехали мы, ехали, но башня не только не приближалась, а, наоборот, как будто отодвигалась всё дальше и дальше в пески. Уж очень она высокая.

И шофёр рассказал мне такую историю.

В далёкие времена Куня-Ургенч был столицей Хорезма, богатой, цветущей страны. Со всех сторон Хорезм окружали пески. Из песков налетали на страну кочевники, грабили её, и не было никакой возможности уследить, когда и откуда они появятся.

И вот один мастер предложил хорезмскому царю построить высокую башню. Такую высокую, чтобы с неё было видно во все концы. Тогда ни один враг не прокрадётся незамеченным.

Царь собрал своих мудрецов и попросил у них совета. Мудрецы подумали и решили так:

«Если с башни будет видно во всех концы, значит, и сама башня тоже будет видна отовсюду. И врагам станет легче до нас добраться. Башня укажет им путь. Поэтому совершенно ясно, что мастер — государственный изменник. Ему нужно отрубить голову. А строительство башни воспретить».

Царь не послушался мудрецов. Он приказал построить башню.

И тут случилось неожиданное: башню ещё не достроили, а вражеские набег кончились. В чём же дело?

Оказывается, мудрецы рассудили правильно: башня была видна отовсюду. Но враги, увидев её, думали, что до Хорезма совсем близко. Они бросали в песках медлительных верблюдов, которые везли воду и пищу, на быстрых конях мчались к манящей башне и все до одного погибали в пустыне от жажды и голода.

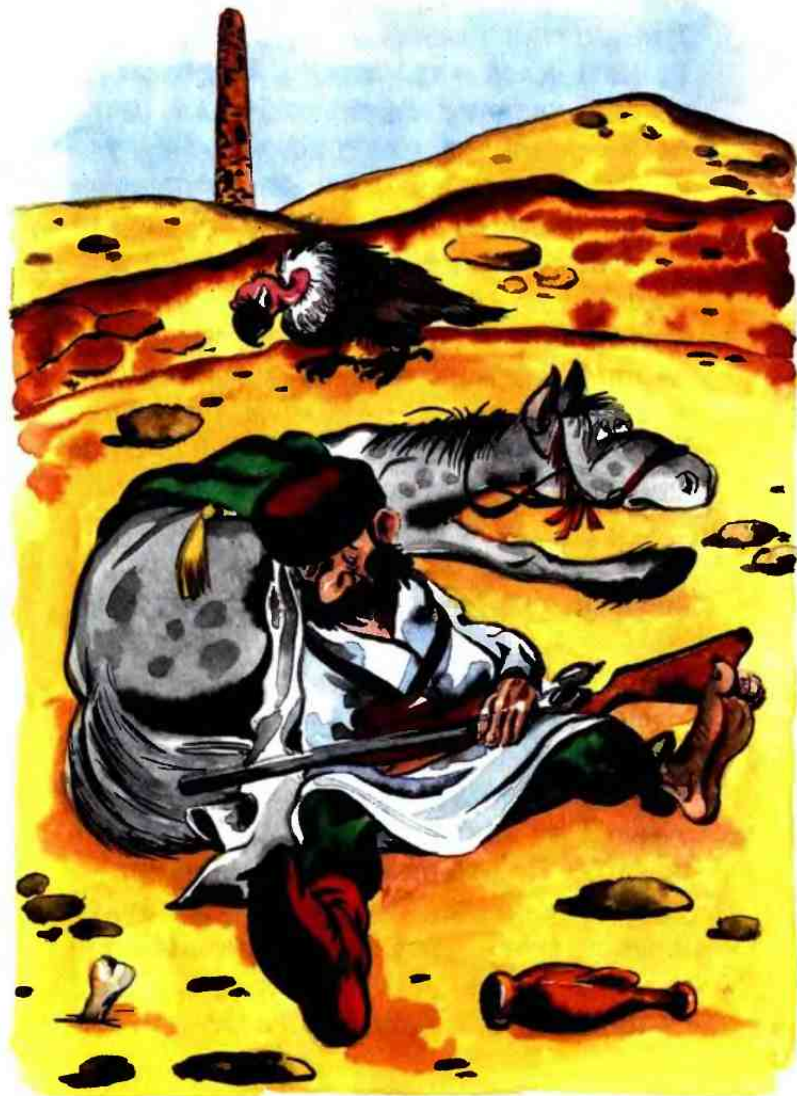
Наконец один хан, предводитель кочевников, погубив лучшее своё войско, разгадал секрет хорезмийцев. Он решил отомстить.

Не зажигая ночных костров, прячась днём во впадинах между песчаными грядками, хан незаметно привёл свою орду к самому подножию башни.

Старый мастер ещё работал на её вершине, укладывая кирпич за кирпичом.

— Слезай, пёс! — крикнул ему разгневанный хан. — Я отрублю твою пустую голову!

— Моя голова не пуста, она полна знаний, — спокойно ответил мастер. —

Пришли-ка мне сюда наверх побольше бумаги, клея и тростника. Я сделаю из тростника перья, склею из бумаги длинный свиток и запишу на нём всё, что знаю. Тогда моя голова и в самом деле станет пустой и ты, отрубив её, ничего не потеряешь: у тебя останутся мои знания.

Хан согласился. Мастер спустил с вершины башни верёвку, к ней привязали пакет с бумагой, клеем и тростником. Старый мастер склеил из бумаги и тростника большие крылья и улетел.

Тогда хан сказал своему летописцу:

— Запиши в историю всё, что произошло, чтобы наши внуки знали, на какой мерзкий обман, на какую низкую ложь, на какое гнусное вероломство способны эти хорезмийцы.

А летописец ответил:

— Конечно, мастер обманул тебя. Он сделал не свиток, а крылья и полетел на них. Но это уже не просто обман, а высокий разум. И наши внуки будут восхищаться человеком, который научился летать.

— Ничего не записывай в историю! —

разозлился хан. — Пусть никто не знает, как нас одурачили.

Прошли века. Люди забыли, как звали грозного хана, как звали царя и его трусливых мудрецов. Но каждому мальчишке в Куня-Ургенче известно, кто был мастер и что он совершил, словно это случилось совсем недавно.

Звали его Уста Куш, что в переводе значит Мастер Птица.

СОДЕРЖАНИЕ

КАРТИНКИ В ЛУЖАХ <i>Стихи</i>	5
ВИТЯ, ФИТЮЛЬКА И ЛАСТИК <i>Сказки</i>	53

Для младшего школьного возраста
БЕРЕСТОВ Валентин Дмитриевич
ВИТЯ, ФИТЮЛЬКА И ЛАСТИК

Художник А. Шахгелдян
Технический редактор Н. Ганина
Компьютерная верстка Ю. Беспрозванный

Подписано в печать с готовыми диапозитивов 17.03.98. Формат 80х90 1/16.

Усл. печ. л. 6,5. Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 15 000 экз. Заказ № 2273.

«Издательский дом «Искатель», 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а

(ЛР № 071275 от 18 марта 1998 г.).

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы
им. 50-летия СССР Государственного Комитета Российской Федерации по печати,
170040, г.Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Телефоны для справок: (095) 285-88-07, 285-47-06

ISBN 589487072-0

9 785894 870724